

Вступление. Как журналистика помогает решению социальных проблем

О «журналистике решений» («solution journalism») я узнал в конце 2019 года. В те чудесные времена редактор российского медиа вполне мог выступать на международной конференции в Праге вместе с руководительницей украинского СМИ. До пандемии и тотального закрытия границ тоже оставалось еще несколько месяцев, поэтому впереди виделись замечательные перспективы международной кооперации для журналистов, рассказывающих о социальных проблемах.

В то время я работал заместителем главного редактора издания «Такие дела». Мне было ценно узнать, что наш подход — рассказывать о проблемах людей и о том, что можно сделать, чтобы улучшить ситуацию, — оказался для многих европейских медиа в авангарде. Понятно, что теорию «журналистики решений» разработали еще даже до появления «Таких дел», но все же популяр-

ность в сообществе она начала набирать именно в конце 2010-х. Мы в редакции не отдавали себе отчета в этом, но по факту многие из наших материалов находились именно в русле этой концепции.

Что же это такое? У «журналистики решений» много определений. Но если упростить, — это такой подход к рассказыванию историй, в котором на первом плане не сама проблема или недостаток, а решения, помогающие их исправить. Самое главное — показать эффективные, работающие практики, а все остальное — дело наживное. Дальше это определение можно до бесконечности уточнять — как именно должен строиться такой текст, что в нем важно, а что не очень, о чем обязательно нужно рассказать, а что, напротив, нежелательно и даже вредно.

Если подходить к делу строго, то материал, построенный в ключе «журналистики решений» (или, как мы коротко его назвали, «SoJo») — это предельно структурированный и четко рассчитанный текст. Не творческий поток, а тщательно выстроенная формула, созданная ради высокой цели — показать, что проблемы можно решать. И, может быть, даже мотивировать читателя сделать что-то подобное в своем родном регионе.

Что особенно важно — евангелисты «solution journalism» настаивают, что это в первую очередь именно журналистика, внимательная к фактам и беспристрастная. Самоидентификация автора как журналиста здесь очень важна — и это отличает «журналистику решений» от медиаактивизма или фандрайзинговых материалов, изначально заточенных в пользу НКО.

Как раз в это время в «Таких делах» (да и в целом в русскоязычной медиасреде) шли бурные дискуссии о разграничении «объективной журналистики» (тм) и активизма. Вся наша редакция разрывалась между двух полюсов — где мы работаем строго по стандартам, и где очевидно выступаем соавторами благотворительных организаций. Нам нужна была идентичность, которая сохраняла бы первенство журналистики, но и следовала бы нашей миссии — менять жизнь к лучшему, пусть и средствами медиа. И конструкция «журналистики решений», пусть во многом искусственная и измышленная, показала мне очень подходящим для нас фундаментом.

Само собой, «журналистика решений» в узком смысле охватывала только небольшую часть нашей работы; выстроенный четко по канону материал по SoJo — довольно специфический продукт и интересен только вовлеченному читателю. Но свою нишу «журналистика решений» у нас заняла. Мы не стали придерживаться строгих рамок и доработали эту концепцию под наши задачи — смешали ее с нашим опытом в сторителлинге, внедрили элементы решений в информационные материалы и даже в новости.

Главное — мы закрепили для себя идею, что журналистика может помогать решать социальные проблемы без прямого вмешательства в ход вещей, только благодаря качественной работе корреспондента и редактора. А если об эффективной социальной практике рассказать убедительно и интересно — этот опыт может не просто заинтересовать читателя, но и побудить его запустить анало-

гичный проект самому.

А дальше все пошло, как известно, наперекосяк. Сначала пандемия, потом рост репрессий в отношении медиа и НКО и, наконец, — полномасштабное вторжение российских войск на территорию соседнего государства. Честно сказать — чем дальше, тем сложнее мне лично было верить в то, что все работает так, как задумано, и что «журналистике решений» сейчас есть место. Сейчас уже стоит вопрос о работе независимых российских медиа в целом. О каких решениях, казалось бы, может идти речь?

По счастью, мне повезло поговорить с несколькими близкими людьми, которые не потеряли оптимизм и надежду на то, что не все потеряно. Постепенно я пришел к выводу, что рано хоронить саму идею «журналистики решений» — пусть сейчас на дворе тяжелые и не подходящие для нее времена, все может измениться уже в скором будущем.

Опять же весь вопрос в том, как и о чем именно рассказывать. Многие важнейшие социальные проекты не только продолжили свою работу, но столкнулись со значительно большей нагрузкой — и смогли предложить способы, как с этим справиться. Разве это не заслуживает рассказа? А сколько сейчас волонтерских инициатив, которые закрывают самые тяжелые, самые неблагодарные направления работы! Там, где пасуют официальные органы власти, ситуацию снова спасают горизонтальные гражданские инициативы, и, например, только благодаря им беженцы с территории Украины могут получить в России всю необходимую помощь.

За каждым общественным движением есть свои истории, взлеты и падения, трудности и достижения, главные герои, попутчики и антагонисты. Обо всем этом нужно говорить, в том числе для того, чтобы напомнить, что конец истории не наступил и многое мы еще можем.

Этот сборник задумывался совсем в других условиях. Проекты, которые вы можете увидеть ниже, создавались и развивались в предыдущее десятилетие, в котором были совсем другие трудности и другие возможности. Но я не случайно так подробно рассказываю об обстоятельствах, в которых готовилась эта книга. Мне хочется, чтобы при взгляде на несколько лет назад нам не казалось, будто все это потеряло смысл и социальная инициатива, взлетевшая, например, на пике гражданских протестов, сейчас ничего не значит. Потому что остается главное — люди, которые готовы что-то менять, и их инновации, которые позволяют эти изменения претворять в жизнь.

Истории в сборнике получились многосложными и не всегда простыми для чтения.

Вместе с Теплицей мы хотели рассказывать о каждом проекте с двух точек зрения — объединить внимание к технологическим решениям и к тому, как устроен проект в целом, кто и как его создавал. Конечно, проекты очень разные, и у каждого из авторов сборника есть свой стиль и свое видение, как строить повествование. Наверное, полностью привести их к общему знаменателю было невозможно, но я хотел, чтобы у всех текстов было несколько объединяющих черт.

- Мы должны рассказать об основателе проекта: кто он и почему занялся этой проблемой.
- Мы хотим показать в том числе и контекст проблемы: на какой социальный запрос дает ответ наш проект.
- Мы хотим отследить, как со временем трансформировалась идея проекта — от чего создатели оттакнулись на старте и как опыт меня изначальную гипотезу.
- Большое внимание мы уделяем ресурсам: как человеческим, так и финансовым.
- Среди подходов и решений мы хотим показать не только удачные, но и те гипотезы, что пришлось отбросить со временем.
- Мы показываем, как проект устроен изнутри сейчас: кто, что и как в нем делает
- Мы говорим обо всех сложностях — не только о тех, что удалось преодолеть, но и о том, что осталось, если какие-то сложности удалось преодолеть.
- Любые особенности взаимодействия с официальными структурами и государственными органами для нас значимы.
- Понятно, что на исходе 2022 года очень сложно говорить о перспективах, но мы все же пытаемся заглянуть немного вперед и вместе с руководителями проектов говорим о том, что ждет впереди.

А теперь, когда я показал вам немного закулисья нашего сборника, я приглашаю вас, наконец, к самим историям. Спасибо!

Владимир Шведов, главный редактор сборника